

Р. Косолапов

**Прерван проект социализма.
Что делать?**

**Москва
2017**

**Р. Косолапов. Прерван проект социализма. Что делать?
М., 2017. — 43 стр.**

© Р.И. Косолапов, 2017.

Статья посвящена столетию Великой Октябрьской социалистической революции.

История и судьба этого эпохального, всемирно-исторического события рассматривается с не совсем обычной точки зрения. В то время, как историки буржуазного толка, даже пытающиеся изображать себя объективными, в основном опускаются в прошлое, в причины и обстоятельства его успеха, триумфов, ошибок и поражения, мы исходим из концепции его (события) продолжения (и повторения).

Низвержение (впервые в истории) насквозь прогнившей власти капитала властью живого производительного труда, уничтожение эксплуатации человека человеком продемонстрировало свои блестящие возможности в обоих полушариях Земли. Это настолько решительный, настолько радикальный, глубоко качественный поворот в самой сущности общественных отношений, что любое отклонение процесса в сторону, топтание на месте или рывки вспять, причем любого масштаба, могут восприниматься лишь как аномалия. Здесь речь идет о начале перехода от предыстории человеческого общества к его подлинной истории, а его (перехода) необходимость, при всех возможных и неизбежных случайностях, неотвратима. Как таковое это преобразование должно пониматься и приниматься все большей массой людей, но сколько-нибудь окончательного результата в этом отношении надо еще терпеливо, долго и упорно добиваться и ждать. И дело тут не только в недостаточно внимательном изучении и нетвердом усвоении истин марксизма-ленинизма, а и в незавершенности этого учения, завещанного нам продолжать, развивать и дополнять.

Возвращение к этим положениям, еще актуальным в середине 1980-х годов, может показаться странным и очевидно несвоевременным после буржуазно-бюрократической контрреволюции 1985-1993 годов в Советском Союзе, его развала, ликвидации исходной базы мировой социалистической системы, ее европейской части. Но другие ее части — азиатская и латиноамериканская, как идейное наследие Ленина — уже четверть века не перестают и без СССР успешно функционировать. Как тут не вспомнить его, поистине пророческие слова еще 1919 года: «...Даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы ни на секунду не раскаялись, что ее взяли. И ни один из сознательных рабочих, представляющих интересы трудящихся масс, не раскается в этом, не усомнится, что *наша революция тем не менее победила* (курс. авт.). Ибо революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условия побеждают даже тогда, когда они терпят поражение». Каково?! Это не игра слов, это научное открытие. В революции преобладает логика живой жизни, а не канцелярских реформ или же пьяных расстрелов. Соответственно и надо судить об их итогах и последствиях. Великий Октябрь просто так из истории России и человечества не вычеркнешь. Творившие его наши прадеды, деды и отцы, хоть обошлось им дело большой кровью (в том числе, не забудем об этом, кровью да и жизнью самого Ильича), были отнюдь не глупее потомков. Когда же мы наконец научимся, как подлинны патриоты, относиться к тому, что творили предки, и в меру критично, и в меру уважительно? Обе эти меры должны быть всегда у нас под

рукой. Так велит сама диалектика, а с ней не поспоришь.

Главное внимание в данном тексте обращено на два вопроса:

1. Необходимость доработки теории планирования с ориентацией прежде всего на человека, его способности и потребности.

2. Необходимость особого внимания к форсированию цивилизованного построения бесклассового общества.

ПРЕРВАН ПРОЕКТ СОЦИАЛИЗМА. ЧТО ДЕЛАТЬ?

1. О войне и потерях от нее.

Самым совершенным определением *социализма* мне представляется высказанное ещё Марксом: «*товарищеский* способ производства». В нем мало слов, оно подвержено весьма многообразным толкованиям. Но зато какой огромный в нем смысл - и экономический, и политический, и научный, и нравственный.

Популярным символом социалистического созидания служил перед Великой Отечественной *проект Дворца Советов* с венчающей его 100-метровой фигурой Ильича. Эта стройка была доведена до первых этажей, и мы ее видели. А затем война... Пришлось вынимать из уже готовых строительных конструкций годную для производства оружия сталь.

Н.С. Хрущев через 11 лет после Победы и три - после кончины Сталина расценил послевоенную задержку с возведением Дворца Советов как его (вождя) «неуважение к памяти Ленина... Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить», - заявил он в конце XX съезда КПСС под «бурные, продолжительные аплодисменты».

Чего стоило сие «сооружение», мы узнали еще четыре года спустя. В июле 1960-го «исправили положение» открытием в том же месте, где проектировался Дворец с монументом, на том же фундаменте... плавательного бассейна. Рукоплескания доверчивого съезда «подкрепили» плесканием хлорированной

лужи. Ну, «уважили»! Однако свято место пусто не бывает...

Утверждение, что в СССР социализм строился «по Марксу», в целом верно только в период, называемый ленинско-сталинским, то есть до 50-х годов прошлого века. В последующем же мы наблюдали дилетантские метания руководства страны. Правда, в послесталинские времена довелось быть свидетелями, а то и участниками многих захватывающих кампаний. Это и «движение тридцатитысячников», и противоречивая судьба целины, и фальшь «десталинизации», и трагедия МТС, и БАМ, и первый, еще до горбачевского порыва к перестройке. Это достижение паритета с Западом в ракетно-ядерных вооружениях и первый вход человека в Космос. Впечатляет то, что за 50-80-е годы мощь советской экономики удвоилась. Но в то же время в наших *решающих* «верхах» не осталось ни одного образованного и волевого, по-настоящему просвещенного марксиста.

Обращаю внимание на то, что выпадает из факторов предметного анализа или упоминается в нем в обобщенном, трудно узнаваемом виде. К примеру, мы уже привыкли признавать, что Великую Отечественную войну выиграл в основном советский десятиклассник. За этим стоит новая система образования, сформированная под началом А.В. Луначарского и Н.К. Крупской, образ Ленина и фигура советского учителя. 27 миллионов жертв войны - 1/3 на полях сражения и 2/3 в оккупированном тылу - коснулись и громадной массы *его* учеников. Это и объективный, и субъективный урон советского общества, понижение его физического и умственного потенциала. Если добавить к этому «художества» Хрущева после кончины Сталина: «зачистку» им идеологических, партийных

и чекистских кадров, запрет на сталинские труды, то есть выбивание из памяти поколений новейших обобщений в области научного социализма, - то будет очевидно продолжение утрат. Страдает интеллект советского народа, искажается его цель. Единственным хрущевским «теоретиком» будет смотреться старый социал-демократ О.В. Куусинен, погубитель идеи диктатуры пролетариата, в окружении соответственно ориентированной «творческой» молодежи.

2. Ошибка политэкономии.

Кардинальной ошибкой нашей политической экономии явилось изображение социалистической экономики *только* в качестве разновидности, очередной стадии *товарного* производства. Это глубоко порочная точка зрения. Марксистской наукой социалистическая система хозяйствования рассматривалась как прямой антипод товарно-капиталистической, ее отрицание. Частичное же сохранение последней (сколь долго, трудно сказать) терпелось, пока были нужны *переходные* формы их категорий и проблематики. Между тем, ни они, ни категории, ни формы, по Ленину, «цельного», «законченного», «развернутого» социализма десятилетиями не разрабатывались. С начала хрущевской «оттепели» мы позволили себе «перенэпить», а в горбачевскую «перестройку» «нэпнулась» *вся* политэкономия социализма. При повороте в новый переходный период, а он неизбежен, нам придется опять начинать с нэпа, то есть иметь дело со «смешанной», многоукладной экономикой. Но на сей раз надо быть мудрее. Тем более, что у нас были умные и бди-

тельные предшественники.

За год до смерти, 15 февраля 1952, Сталин имел беседу с группой ведущих экономистов. Он сам взялся за составление нового учебника политэкономии, участвовал в дискуссии о нем и, как соавтор, очень заботился о точном отражении реальностей *раннего* социализма. На этой встрече он предложил заменить такие категории, как необходимый и прибавочный труд, понятиями «труд для себя» и «труд для общества», а также вместо «загаженного» понятия «прибыль» употреблять термин «чистый доход». Говоря об ограничении сферы действия закона стоимости, Сталин констатировал: «Главное - у нас отпала частная собственность, и рабочая сила не является товаром».

«Перестройка», как известно, шла под *прямо противоположным* знаком. Правда, Горбачев все время лицемерно кокетничал с именем Ленина, фальшиво употреблял кусочек его фразы про «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», ослеплял фейерверком «больше демократии, больше социализма, больше света», но поддерживал лишь «затемнение» частной собственностью и рынком. Под этой демагогической занавеской рабочий класс и не заметил надетый на него хомут эксплуатируемой рабочей скотинки, как вновь превратился в продавца своей рабочей силы, то есть стал сам *товаром*. Социальной опорой Горбачева тут послужили «теневой (криминальный) капитал» и ложное кооперативное движение, которое тут же запахло приватизированными платными туалетами.

3. Проблемы переходного периода остались не решенными.

Еще в 1902 году в проекте Программы РСДРП социальная революция определялась Лениным «как уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства *товаров* социалистической организацией производства *продуктов* (курсив авт.) за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* его членов». Как указывал позднее Александр Богданов, «новое общество основано не на меновом, а на натуральном хозяйстве. Между производством и потреблением продукта не стоит рынок, покупка и продажа, - но только сознательно и планомерно организованное распределение».

В дальнейшем по поводу аналогичного места в тексте Ленин заметит: «Надо показать, какое это социалистическое производство». Но его фразочка в сноске, несмотря на обширную литературу вопроса и гигантский опыт социалистического строительства в нашей и других странах, так и останется до конца не учтенной. До сих пор (спустя более столетия) не прояснена четко разница между капиталистическим производством *товаров* и социалистическим производством *продуктов*. И в социалистических условиях мы, как и при капитализме, барахтались в сетях товарно-денежных отношений, *не утрачивающих* свой капиталистический потенциал. Поиск хоть какой-нибудь альтернативы не велся. Последним, кто внушительно заикнулся о переходе от товарно-денежных отношений к продуктообмену, был опять же Сталин. Но он *не успел* де-

тально разъяснить, что это такое, и Г.М. Маленков, уже через три месяца после ухода его из жизни, на июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС небрежно «копытнул» эту категорию. В одном только Маленков оказался прав, заявив: «Если при т.Сталине возможны были ошибки, тем более чревато большими опасностями повторение их в отсутствие такого вождя, каким был т.Сталин». И действительно, ретроспективная портретная галерея лидеров последовавшего советского сорокалетия не сложилась в утешительную картину. До Маленкова не дошло, что необходимость всемерного развертывания товарооборота, на который он сослался, отнюдь не исключает *одновременных* проб продуктообмена. Не пошли по пути социалистического и предкоммунистического новаторства и другие его коллеги.

Речь идет об уклонении или отказе от мер *переходного* типа с прогрессивным вектором. Все предпринимаемое во второй половине XX века (за исключением намеков XXI съезда) либо консервировало ситуацию, либо тянуло нас назад, а в итоге мы вместо развитого социализма получили примитивный капитализм, отшвырнув Россию в формационном отношении на полтора столетия назад. Это сулило либо сознательное вредительское поведение, либо *невежественное* недопонимание сущности движения.

4. Элементы, частички, кусочки...

По Ленину, «выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономи-

ческих порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма?».

К сожалению, этот подход уже к началу 60-х годов считался неприемлемым. Обойдя пешком за три года после-университетской работы (1955-1958) всю Брянскую область, я убедился в наличии еще единоличного (патриархального или мелкотоварного) хозяйства на селе. Упомянутые Лениным «элементы, кусочки, частички» встречались нередко. Между тем, столичные экономисты (не без подтанцовки статистиков) были глубоко убеждены в их давнем исчезновении, отчего в начале 1961 года моя брошюра «К вопросу о диалектике товара при социализме» оказалась на грани изъятия. Спас меня тогда от рассыпания набора профессор МГУ И.И. Козодоев. А ведь только с признанием задетых в брошюре реальных фактов можно было связывать реалистические меры.

Ваш покорный слуга был озадачен и, ничего не пугающийся, даже напуган популярными лозунгами горбачевщины: «Торговля - лицо экономики», «Деньги - кровь народного хозяйства», «Деньги работают - мы отдыхаем»... Если первый из них еще можно было принять за безобидную агитку, то другие смотрелись загадочно и зловеще. Деньги (зеленые и иные бумажки) вовсе не выглядели снабженцами организма активным *кислородом*, а выставление их основными работниками и вовсе убивало основу основ общества - *производительный труд*. Лозунги эти были для богатеньких, деньго-, а не талантоимущих, и совсем не решали вопрос: где и как их взять.

Выдвигая еще в конце 60-х годов задачу «оптимизации общественной системы» в качестве делового, подвижного, творческого содержания идеи социализма, я решительно не признавал локальной, узкокоммерческой «оптимизации» (за якобы нехваткой клиентов), сторонники которой ухватились за модное словечко с тем, чтобы прикрыть свой корыстный расчет. Имея в виду одну лишь денежную выгоду, такие индивиды закрывают неприбыльные школы, библиотеки, дома культуры и роддома, используют случайные долги медицинских, оборонных, транспортных учреждений с очевидными гуманитарными *жертвами*. Утверждаю, что такая «оптимизация» лишена человеческого смысла, преследует цель из денег делать деньги, что означает крайнюю степень *отчуждения* между людьми.

Подлинно гуманистической моделью, от которой исходит оптимизация общественной системы, может служить *только человек как мера всех вещей*, доведенная до совершенства античной скульптуры. Для того, чтобы эта древнейшая (2500 лет) гениальная формула Протагора стала «рабочей», ее стоит дополнить энгельсовой: «человек есть сила - *и производительная и потребительная*». Человек есть и мера оптимизации. Разве нужна другая формула реальному гуманизму?

5. В анализ «попросилась» энергия.

«...От внимания всех экономистов без исключения, - писал Маркс Энгельсу, - ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собою нечто двойственное, а именно потребительную стоимость и стоимость меновую, то и вопло-

щенный в товаре труд должен иметь двойственный характер, в то время как простой анализ труда... постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В этом действительно вся тайна критического понимания вопроса». Но удалось ли нам хоть немного к такому пониманию приблизиться?

Дальnozорко провидя в понятии «товар» ключевой узелок («клеточку») анализа всей частно-капиталистической практики, Маркс развернул на его базе неопровержимо-беспощадное изображение всей системы эксплуатации человека человеком. Можно долго восторгаться «Капиталом», его стройностью, логичностью, простотой, красотой, даже изяществом, но нельзя не отметить следующее. Функционирование системы, показ ее порочности и неизбежной преходящести Маркс вывел только из одной стороны товара - меновой стоимости, то есть траты на его производство средневзвешенного необходимого рабочего времени, оставив незанятой *другую*. Это была тоже стоимость, но стоимость потребительная (полезность, ценность), которую Маркс (за него даже неловко), как бы торопясь, перекинул из политэкономии в товароведение. Хотя она должна была ещё «поработать» и в политэкономии, и в теории перехода к новой формации.

«Каждый знает - даже если он ничего более не знает, - писал Маркс, - что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости». Общей формы (а тем более денежной) потребительские блага, понятно, не имели, а, вернее, форма не была ещё угадана и открыта. Но пробуждающаяся

чуткая интуиция уже находилась в состоянии нервного поиска. Он не мог не затронуть и самого Маркса. Разница между меновой и потребительной стоимостями была более чем очевидна. За тысячелетия, с эпохи разложения первобытнообщинного строя, общественная связь между частными собственниками базировалась, главным образом, на товарном обмене, который, с одной стороны, испытывал массу всевозможных вариаций (от примитивно-натурального обмена «вещь за вещь» до утонченно-ростовщического «деньги за деньги»), с другой - норовил охватить даже сугубо личные сферы жизнедеятельности людей (от творческих: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», - до узкосемейных). Между тем, как раз «пестрые натуральные формы» потребительных стоимостей товаров, а не их цены, в первую очередь всегда интересовали нормальных людей. Не нищий и безденежный покупатель спросит продавца в магазине скорее о свежести хлеба и молока, содержательности и занимательности новой книги, добротности платья и т.п., нежели потребует прејскурант. Потребительная стоимость, можно сказать, прямо задевает тело и душу человека, меновая - его кошелек. Но обладает ли потребительная стоимость, аналогично стоимости меновой с ее денежной маской, своей *общей* формой? Веками ее берегли от такого любопытства и вопроса все те же «пестрые натуральные формы». Однако намек на его возможное решение все же появился. Он был сделан 30-летним русским социалистом (физик, математик, врач) Сергеем *Подолинским* в статье «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880), с которой он успел (умер в 1881) познакомить и Маркса.

При всем своем естественном и искусственном (приобретенном) многообразии (пестроте), потребительские блага все же имеют нечто *общее*. Оно связано с феноменом *энергии*. Ее, как и стоимость, мы, понятно, не видим, но с ее всемогущими проявлениями очень даже знакомы. Эту наивную *догадку* десятилетиями хранила моя память, «глубинная психология». Лишь знакомство в 70-х и живой обмен мнениями с физиком Побиском *Кузнецовым* позволили ей, «дикарке», робко выйти на свет. Такого элемента как раз не хватало научному социализму.

Понятно, что подобные обобщения и выводы, даже поиск и подбор соответствующих категорий и терминов, само по себе нелегкое и ответственное занятие, порой мучительное. К калориям, киловатт-часам, килограммам зерна и другим единицам измерения энергии можно легко свести *животворную* мощность продовольствия, продуктов питания всевозможных видов. Можно то же проделать, при условии некоего сближения, в отношении одежды, жилых помещений, предметов быта. «Различия товарных мер, - читаем мы в «Капитале», - отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными». То же можно сказать о нетоварных мерах энергии. Над этим надо еще долго и серьезно работать. Зато очевидно, что замена капиталистического производства *товаров* социалистическим производством *продуктов* означает переход от отчужденно-рыночных отношений частных собственников к отношениям тружеников внутри одного, социально нераздельного коллектива, то есть от классово-антагонистического к товарищескому способу

производства. В зрелом виде он дает о себе знать в сталинской формулировке основного экономического закона социализма, утверждающего *приоритет* потребительной стоимости. Однако более полного и многостороннего осмысления и влияния на практику этот комплекс соображений после Сталина уже (у его преемников) не имел. А ведь *не деньги, а энергия* является кровью экономики.

«Научившись достаточно полно измерять затраты результатов общественной производственной деятельности в энергетических величинах, - писал П. Кузнецов (очевидно, ища компромисс с рынком), - можно привести в некоторое соответствие с потоками реальной энергии и поток денежного обращения». Можно, а нужно ли? Если мы овладеем уже не просто технологически (инженерно-технически), а и статистически («бухгалтерски») потоком *реальной энергии*, то вряд ли надолго нашего внимания, да и *самого дальнейшего существования*, будет заслуживать поток денежного обращения. Вопрос по сути технический и, более того, элементарный. Но сколько еще копий будет поломано в спорах о нем, путаясь в коммерческих силках?

6. Поучительный пример

При разрешении проблем и выполнении задач переходного - от капитализма к социализму - периода должна произойти замена товарообмена и товарооборота продуктообменом. Внутренний механизм, «требуха» рынка может и не отменяться, но в деталях, их соотношениях, функциях существенно преобра-

зовываться. Так, по значению будет подвинута и «понижена» меновая стоимость, за которой просматривается абстрактный труд, и введена - в дополнение и в замену рубля (доллара и т.п.) - в строй некая силовая, *энергоемкая* единица, представляющая труд конкретный. То есть не труд вообще, а труд, созидающий данную оригинальную ценность. Кроме, как энергией, его, по-видимому, измерять нечем. И тут добавляется еще один плюс. Если употребление и совершенствование товарно-денежной хозяйственной практики уже доведено до функционирования чисто *финансовой, уже без реального товара*, коммерческой системы, то есть «работы» с одними «ценными» бумагами и ... воздухом, иначе говоря, тотального, «цивилизованного», тщательно лакируемого *паразитизма*, действительные ценности, их качество и количество *честно* учитывать без энергии никак нельзя. Так кончается и товарный и денежный фетишизм. Это уже понимают, еще не опираясь на авторитет теории, бывалые и умные хозяйственники и организаторы.

«Наше общество, - говорил на заседании Изборского клуба белгородский губернатор Евгений Савченко (июль 2013), - не скреплено. Скрепить же может общее дело, общая идея, общая религия или даже общая беда и скорбь.

Очень большое значение, на мой взгляд, имеет представление об общей собственности. Общая собственность — это фундамент солидарности. Общей собственностью должна быть земля. Каждому человеку, живущему в России, необходимо понимание, осознание того, что земля общая. Дана Богом для всех нас и не должна быть чьей-то частной собственностью.

Мне кажется, ничто так не испортило наш народ, не развратило его экономически и нравственно, как закон о частной собственности на землю. Земля сегодня стала предметом спекуляций. Идут массовые злоупотребления, коррупция. Возьмите Израиль — вся земля в государственной собственности. Голландия-то же самое. И самое эффективное сельское хозяйство — в Голландии и Израиле. Разве это случайно?

Без общей собственности на землю не может быть солидаризации общества.

Посмотрим на нашу финансовую систему Она у нас суверенна? Нет. О какой солидаризации тогда можно вести речь, если мы не управляем своими финансами?

Что необходимо сделать? Нужна рационализация — решить проблему нужно. Вексель — вот на что нужно обратить внимание. Ничто не сделало человечество таким богатым, как вексель, долговое обязательство. Мы занимаем у самих себя и пускаем средства не на потребление, не на ветер, а на развитие, на общее дело. Это, к примеру, инфраструктура: дороги, связь, газопроводы, линии электропередач и так далее.

Инфляции никогда не будет, если правильно осуществлять миссию. И кризиса никогда не будет. Если мы хотим сделать суверенную финансовую систему, нужно предпринять следующее. И здесь Россия должна показать пример всему миру. Нужно рубль приравнять к какому-то твердому экономическому эквиваленту Не к золоту, не к доллару, не к другой валюте. К примеру — условно: килограмм зерна, 1 киловатт-час электричества, один килограмм продукта, который мы ежедневно потребляем. Такая идея не мне принадлежит.

Если, условно, приравнять рубль к киловатт-часу, то это будет прорыв, потому что по энергетическим запасам Россия — самая богатая страна в мире. Мы можем в счет этих запасов так быстро разбогатеть, такие формы развития осуществить, что в очень короткие сроки произойдут просто сказочные изменения. К нам пойдут инвесторы со всего мира.

Сегодня только 7-10% мировых финансов обслуживают реальный сектор экономики, а остальные — в обороте на фондовых рынках. Рано *или* поздно всё это рухнет.

Без возврата к реальному обеспечению денег не может быть солидаризации общества».

Свои взгляды Е. Савченко выражает на принятом в его среде профессиональном языке, но, заявляя о сомнительной справедливости рыночной экономики, выступает за другую, лучшую экономическую модель.

7. Начало планирования.

Блестяще определенное Лениным «основное звено» *социалистической модернизации* России - план ГОЭЛРО, то есть ее электрификация, имел продолжение в индустриализации страны, коллективизации аграрного хозяйства и культурной революции. На очереди дня встали по меньшей мере *две* гигантские задачи.

Во-первых, это должна быть доделка и переделка великого всеохватывающего механизма научного мониторинга и *предвидения*, при помощи которого, по Марксу, должен был руководить народным хозяйством победивший пролетариат.

Зародышем его уже были ГОЭЛРО и Госплан. Жизнь подсказывала иметь, кроме финансового (денежного) бюджета, опыта составления которого, помимо буржуазного, тогда еще не было, также бюджет *энергетический*. Это понятие уже встречалось в работе Подолинского, но до него еще следовало «коллективно» дорасти...

Во-вторых, покончив с такой эпидемией, как эксплуатация человека человеком, и вынудив носителей этой застарелой заразы слиться с трудящейся массой, требовалось приступить к мерам, обеспечивающим переход к *бесклассовому* обществу и его стабильность.

Россияне, прошедшие еще советскую школу, помнят (хотя бы по названию) об одной из последних записок Ленина: «О придании законодательных функций Госплану», а кое-кто знает и о споре вокруг нее. Это был государственно значимый спор, в котором помимо Ильича, участвовали Сталин и Троцкий. К сожалению, дело свелось к вопросу о соотношении полномочий центральных ведомств, профессионализма администрирования, на чем к тому же сказывалась темпераментная претензия последнего на что-то вроде хозяйственной диктатуры. От главного, я бы сказал, *исторического* содержания этого вопроса (что особенно видно с временного расстояния в 93 года) внимание, увы, было отвлечено и в норму не вернулось...

Таким «главным» мне представляется органическое соединение двух бюджетов в государственном планировании - финансового и энергетического. Первый имел дело с учетом и пересчетом бездушных меновых стоимостей, «полпредами» которых

выступали деньги, второй (пока еще не апробированный) представлял бы собой обобщенный образ *живых* человеческих потребностей. То есть в букете - ансамбле *самого* человека.

Заботой забот государства трудящихся является обеспечение (снабжение) всех граждан по меньшей мере *минимумом* благ (при условии занятости общественно полезным трудом, либо подготовки к нему, либо трудовой выслуги) применительно к крайней бедности общества, для которого выживание труженика является высшим законом. Знаю это по ленинским высказываниям периода Гражданской войны и на примере трех пережитых карточных систем - одна отменена в 1934, другая (период войны) - в 1947, третья (издевательски-горбачевская) - в 1980-х...

Перебирая бумаги своего архива, я обнаружил анонимное читательское письмо еще рубежа 70-80-х. И не глупое.

В то время из-за анонимности на него в редакции, где тогда довелось работать, не обратили внимания, но его содержанием было то, о чем я сам думал много лет. «Каждая нация, озабоченная своим будущим, - начинался документ, - определяющей установкой в политике использования национальных ресурсов должна принять за основу *принцип разумного самоограничения*». Эта установка заинтересовала меня в связи с расшифровкой ленинской формулы «мера труда и мера потребления». Но ничего вразумительного по этому поводу я в литературе не находил.

«Фундамент человеческих потребностей в советском обществе, исходя из опыта предыдущего периода», согласно автору, состоял «из шести структурных элементов:

1. *Жилье* – не унижающее, но и не развращающее, с учетом природно-географических условий;

2. *Одежда* - обеспечивающая сезонную комфортность и эстетические потребности гражданина;

3. *Еда* - включающая в себя все компоненты, необходимые для полного физического развития и полноценной жизнедеятельности гражданина, с учетом национальных традиций и регионально-климатических условий;

4. *Здравоохранение* - включающее в себя весь лечебно-оздоровительный комплекс современного уровня;

5. *Воспитание и образование* - включающее в себя их обязательные формы;

6. *Безопасность жизни и здоровья гражданина*.

Такое «разумное самоограничение» (если бы оно было признано приемлемым) отнюдь не может быть *идеалом*, вечной и безотносительной нормой, требованием нравственности и права и т.п. Изначально оно опиралось бы на истину «человек есть мера всех вещей», но предполагало рациональное условие *самосохранения* общества при самых неблагоприятных обстоятельствах, разумеется, не исключая затем развития при их положительных переменах. Это как бы первичный, элементарный проект всей системы потребления, нуждающийся в дальнейшем расширении и совершенствовании согласно логике бесконечно прогрессирующей культуры.

8. Без человека никуда.

Если обществу придется заново создавать Госплан - а при реставрации социализма это неизбежно, то «пара», по Ленину, «мера труда и мера потребления» будет нуждаться в тщательном продумывании, исчислении, нормировании и утверждении. Причем все это упирается в одно - в фигуру человека.

В плановом ведомстве понадобится создать социологическую службу, периодически (раз в 2-3 года) измеряющую по необходимым параметрам живой отечественный социум и представляющую его детальный, в том числе «потребностный» портрет. Такой портрет при нужной детализации (а не согласование интересов многих контор, как прежде) должен служить научной базой планирования. С законодательной деятельностью вполне сопоставимо сохранение и пополнение ресурсов «самоограничения», которые, вероятнее всего, с восстановлением социализма начнут планироваться директивно и предоставляться трудящимся гражданам безвозмездно.

Наряду с эволюцией взаимоотношений форм собственности - общенародной и кооперативной (промышленной, сельскохозяйственной, сферы услуг) - представляется целесообразным в отношениях распределения строжайшим образом придерживаться известного традиционного принципа: от каждого по способностям - каждому по труду, его количеству и качеству. При этом «потребительская корзина» могла бы выглядеть существенно иначе. Она делилась бы на *две* части. Одна часть, попадающая под нормы «разумного самоограничения» (очевидно изменчивого), выдавалась бы, при предъявлении тру-

довой книжки, *бесплатно*; другая, а также блага сверх нее, предметы особого интереса, моды, роскоши и т.п. — *за деньги*. Возникающее при этом ощущение хотя бы легкого прикосновения к коммунистическому будущему, возобновление борьбы за снижение себестоимости продукции, оптовых цен, ежегодное понижение цен розницы наряду с заботой о качестве бесплатной части «потребительской корзины» не только сокращало бы объем рыночных отношений, но и служило бы частью механизма экономического и морального стимулирования труда. Человек ни на одном из этих этапов не потерялся бы и постоянно получал бы сигналы о том, что делается все ради него, во имя него.

9. Радость оппонентов.

Мои оппоненты будут ехидно обрадованы сразу двумя высказанными мною «утопиями». «Чего он там бормочет про потребительную стоимость и бесплатное распределение... Давно уже наслушались, проходили...»

Говорящий нечто подобное индивид не сознается, что слышал такие изречения еще от своего ворчащего дедушки довоенных времен. Между тем он сам не думает о том, что нерешенные когда-то и не продуманные к моменту до конца вопросы имеют правило возвращаться. Философы пышно именуют это проявлением закона отрицания отрицания. Мы же выразимся попроще: что нам еще осталось доделать из того, на что нашим высоким основоположникам не хватило собственной, поневоле короткой жизни?

Ответ на этот вопрос связан в первую очередь с необходи-

мостью возвратиться на покинутую коллегами в 90-х (а возможно, еще раньше) грандиозную *недостройку* марксизма.

Маркс с изумительным мастерством извлек все необходимые трудящемуся и борющемуся пролетариату выводы из своей концепции *прибавочной* стоимости, основанной на меновой, но недооценил возможности стоимости потребительской. Ее живая, энергическая мощь ставит реальные нужды, желания, вкусы, страсти человека *над* абстрактной тенденцией очевидно неживого капитала к самовозрастанию и тянет историю в новую эру.

Помнится одна цифра из советского прошлого. Тогда наибольшая зарплата превышала минимальный размер оплаты по труду (МРОТ) в 4-5 раз (к примеру, разница зарплат начинающего инженера и отраслевого министра), и это вызывало сварливую критику. Нынче месячный «оклад» старого профессора МГУ (одна из самых высокооплачиваемых категорий интеллигенции в прошлом) может составлять 8-8,5 тысяч рублей (теперешний рубль, по советским критериям, дешевле копейки), едва покрывая цену «потребительской корзины». Одновременно процветают воротилы бизнеса, «зарабатывающие» по миллиону и более в день. Это вряд ли менее фантастично, чем закладывать в план даровое содержание труженика на случай чрезвычайных ситуаций.

По словам Геннадия Зюганова, «одна из сенсаций истекшего года — резкое увеличение долларовых миллиардеров в стране. Россия занимает первое место среди крупнейших стран с самым высоким уровнем экономического неравенства. 62% благосостояния в нашей стране приходится на долю долларо-

вых миллионеров, 26% - на долю долларовых миллиардеров, а на долю абсолютного большинства населения остается лишь порядка 10% от общего благосостояния. Не пора ли со сверхбогатых брать нормальные налоги?». Но что это за «норма»?

Вопросы не возникали бы, если бы речь шла о личностях масштаба Д.И. Менделеев - С.П. Королев или, хотя бы, С.О. Макаров - В.Р. Вильямс, но в поле зрения всякий раз оказываются господа, как правило, не оставляющие *никакого* следа в истории техники, науки и культуры. И тут же хочется спросить, откуда, по каким канонам и за что дается такое вознаграждение? Зачем этот избыток и вознаграждающему, и вознаграждаемому? Не испытывают ли граждане данной категории населения неловкость, стыд, дискомфорт при относительном и абсолютном обнищании трудящихся?

Пишущий эти строки начисто лишен чувства зависти, этой прославленной «болезни красных глаз», но спросил бы любого богача: по какому праву ты владеешь собственностью, очевидно добытой *не твоим* производительным трудом, и зачем тебе лично большая ее часть? Никакая «мера труда и мера потребления», пользующаяся деньгами как инструментом, тут не подходит. Но есть ли аргументы в пользу того, что долго протянет это «общество без меры»?

10. К бесклассовому обществу - первые этапы.

В течение 47 лет (с 1939 по 1986-й) партия не ставила вопрос, казалось бы, перед Отечественной войной актуальнейший - завершение построения бесклассового общества. Правда, к

1939 году существенная часть этой задачи была решена. Еще при жизни Ленина национализация земли и промышленности привела к устранению из общественной жизни крупнейших эксплуататоров — помещиков и капиталистов. Эта малая категория населения, лишившись своего привилегированного положения (каждый персонально), растворилась в массе трудящихся, но существовал, а в условиях нэпа временами процветал последний эксплуататорский слой - деревенский кулак. Счеты с ним в основном свела сама бедняцко-средняцкая среда земледельцев в *ходе* коллективизации аграрного сектора и замены единоличных хозяйств сельхозартелями. Сталин впоследствии (1950 год) писал, «что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства».

Это был второй шаг к обществу без классов, но еще не полное завершение кампании. Сталин, советские люди вправе были гордиться тем, что «у нас нет противопоставляющих себя друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих», что тем самым уничтожен главный социальный антагонизм. В обществе теперь оставались два трудящихся класса, союзных и дружественных, рабочие и кооперировавшиеся крестьяне, и это был великий революционный сдвиг. Мы получили возможность говорить, что в стране «нет классов», «границы между классами стираются», однако не должны были забывать, что «остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества...». Эта разница была «лишь некоторая, но не коренная», однако она не оставалась вовсе *безобидной*. Игнорирование этого, в 30-х годах не очень за-

метного фактора через полвека показало, к чему может привести его стихийный рост.

Полагаю, в послевоенный период Сталина, при всем его заботливо-критическом отношении к состоянию израненной партии, несколько отвлекал от проявлений социальной неоднородности советского общества факт его окрепшего морально-политического единства. Но он думал глубже и дальше. Идее достижения бесклассового состояния общества была подчинена задача повышения уровня колхозно-кооперативной собственности до уровня общенародной, хотя саму идею Сталин не называл, а уж после него, похоже, и некому было о ней напомнить.

11. Итог - болото путаницы.

Стратегическая установка Ленина была предельно ясна. «Социализм есть уничтожение классов, - писал он. - Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата».

Эти строки писались в 1919 году, когда уже хорошо просматривался финал Гражданской войны. Но они (строки) не выглядят безнадежно устаревшими, а, наоборот, демонстрируют, насколько *опустились* мы, отменив диктатуру пролетариата *до* исчезновения классов.

Изживание деления общества на классы есть смысл и предназначение диктатуры пролетариата. Она есть политиче-

ское содержание перехода от капитализма к социализму. Переходный период есть отрезок времени, этап борьбы за превращение общества из классового в бесклассовое, за становление строя социального равенства. К этой коллизии: диктатура пролетариата, переходный период, уничтожение классов - удивительно подходят слова Ленина о логике, диалектике и теории познания: не надо трех слов. В данном случае это не только слова.

Хрущев и его советчик от «теории» Куусинен не хотели пугать словом «диктатура» буржуазию, им хотелось появляться на тусовках бомонда не в рабочей косоворотке, а в смокинге. Отсюда и казус. Ленин утверждает: «Диктатура пролетариата будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата». Можно ли назвать более четкое предупреждение?

Хрущев при остаточном (хотя и не антагонистическом) классовом делении общества раннего социализма провоцирует упразднение диктатуры, а значит замораживает проблему классов. Что дальше? Ничего, кроме. в конце концов, поворота вспять...

Сошлемся ещё раз на Владимира Ильича: «Если взамен старого класса, - говорил он на IX съезде партии (1920), - пришел новый, то только в бешеной борьбе с другими классами он удержит себя, и только в том случае он победит до конца, если сумеет привести к уничтожению классов вообще. Гигантский, сложный процесс классовой борьбы ставит дело так, иначе вы погрязнете в болоте путаницы».

Это высказывание характерно, во-первых, тем, что Ленин указывает в нем на динамизм процесса («бешеная борьба» и

пр.), во-вторых, на необходимость новому классу (пролетариату) «удержать себя» (очень емкое, хотя и простое выражение) и одержать верх в этой борьбе. Совершенно недвусмысленно и категорично звучит заявление о задаче «уничтожение классов вообще». И при этом сама собой возникает мысль о том, что хрущевское «открытие» (*закрытие*) 1961 года: «Обеспечив полную и окончательную победу социализма - первой фазы коммунизма - и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР», - и *змееныш* буржуазно-бюрократической контрреволюции 1985-1993 годов родились *одновременно*.

Фраза из Программы КПСС XXII съезда, увы, тронута фальшью. Если о *полной* победе социализма еще можно было толковать, опираясь на аргументацию Сталина, то *окончательная* была червивой скороспелкой Хрущева. Это доказал как грянувший вскоре крутой разлад с великим Китаем (то есть внутри социалистического лагеря), так и последующий ход эволюции-инволюции. В хрущевском докладе о Программе был даже параграф о построении бесклассового общества в СССР, но в нем, вопреки Ленину, трактовалось о том же, об уходе диктатуры пролетариата *раньше* расставания с классовым делением общества. А за этим угадывалась не только утопия, но и возможность реанимации эксплуататорских классов. Странно, что тема построения бесклассового общества в самой Программе не рассматривалась.

12. Это не из нашей оперы.

Ценным вкладом в историческую науку и профессиональным подвигом В. Трушкова является недавняя архивная публикация проекта Программы ВКП(б) 1947 года с авторским комментарием. Создававшийся, судя по всему, по решению предвоенного (1939) XVIII съезда, документ, работу над которым задержали боевые будни, не был фактически известен партии, хотя он и отразил размышления и споры бурного периода. Так, в конце текста говорится: «С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство».

«Что же ты критикуешь Хрущева за оценки роли диктатуры пролетариата в Программе 1961 года, - возразят мне, - ведь то же было написано в сталинско-ждановском проекте 14-ю годами раньше. Да он же просто списал кое-что у Сталина. Так что клюйте его». Но не тут-то было.

Во-первых, выполнить свою миссию, как сказано в проекте 40-х, не значит уже ее *завершить*; во-вторых, если рабочее государство признается *своим* всем народом, то это не означает, что оно потеряло свою классовую природу. Диктатура пролетариата, массива лиц производительного физического и умственного труда, как государство трудящихся, выполняет свои задачи до полного завершения стирания классовых различий в обществе, в чем заинтересовано все его здоровое большин-

ство. Если же оно бросает эту работу и по сути самоликвидируется, то, так или иначе, пусть нескоро и малозаметно, при допущении рыночной стихии самовосстанавливается и заменяет его (под той или иной маркой, разными темпами - тихим перерождением, а, бывает, и террористическими рывками, как у нас в 1991 и 1993 годах) государство буржуазии. Хрущевское, по определению Л.Ф. Ильичева, «великое десятилетие» есть начало этого процесса.

Сталину в послевоенный период и до конца жизни (1946-1953) свойственно не ослабление, а, наоборот, усиление внимания к концепции диктатуры пролетариата. Победа в Отечественной войне, прорыв капиталистического окружения и поиск избавившимися от фашистского ига странами и народами основ нового мироустройства поставили ряд проблем и перед победителями. Под рукой имелся советский богатейший опыт, но было вредно и опасно применять его *механически*. «Леваки» освободившихся государств, многие офицеры и политработники Красной Армии выступали за создание в них Советов, но поступать так было нельзя. Вопрос о власти там решали в основном не местные массовые движения, а внешняя союзническая сила - та же Красная Армия. Поэтому и режим не должен был спешить объявлять себя диктатурой пролетариата, сохраняя привычные для населения структуры: парламент, отечественный фронт, даже монархию (как было в 1944 году в Румынии). В беседах и обмене мнениями с польскими, болгарскими, чехословацкими, югославскими, венгерскими, румынскими, немецкими, китайскими, корейскими товарищами Сталин (Соч. Т.16. Ч.1, 2), ссылаясь на примеры Париж-

ской коммуны и Советской власти, говорил о разных переходных формах диктатуры пролетариата вплоть до тех случаев, когда тактически целесообразно избегать такого названия. Конечно, определенную роль тут могло сыграть также желание произвести переоценку некоторых событий 20-30-х годов, но не единственное и, полагаю, не главное. «То, что невозможно осуществить переход от капитализма к социализму без диктатуры пролетариата, мы считаем аксиомой», - указывал Сталин. Будет она более явной и строгой, более мягкой и терпимой, зависит от положения в той или иной стране, уровня ее кадров. Но и малейших намеков на отказ от выполнения функций пролетарской диктатуры, на намерения проводить ее «в запас», пока есть классы-антагонисты, у Сталина мы не встречаем. Нехватку у режима в братских странах диктаторского начала предполагалось разумно компенсировать *союзными* отношениями со всем содружеством. При наличии диктатуры буржуазии в ряде стран мира, ариозо о том, что диктатура пролетариата исчерпала свое призвание и перестала быть необходимой, было явно из чьей-то чужой и глуповатой оперы.

13. «Гвоздевая» идея Программы 1986 года.

Когда Брежнев (1981), а за ним Андропов (1983) поставили задачу обновить редакцию Программы КПСС, возник вопрос об ее «гвоздевой» идее. *Завершение ликвидации классов к концу XX века* смотрелось эффектной и эффективной мерой и с экономической, и с социально-бытовой, и с морально-политической точки зрения. Ее поддержал в свое время авторитетный

триумвират: *Черненко, Устинов, Громыко*. С одной стороны, в СССР наблюдались признаки слияния классов, рост влиятельного слоя рабочих-интеллигентов, семейной «социальной диффузии», с другой – множились спекуляции на тему «план и рынок», являвшиеся эхом в интеллигентской среде стихийного накапливания силенок криминального «теневого» капитала под «дреманным» оком властей. Социологи, чекистские и милицейские службы уже располагали для этого основательным фактическим материалом и статистикой. Надо было только грамотно и аккуратно пустить их в дело. *И надо было спешить.*

Приходивший к власти Горбачев был очевидно не заинтересован в направленности обновленной Программы, но, вынужденный считаться с наличной социальной и аппаратной инерцией, ограничился малозначимыми замечаниями и структурной перестановкой. Программа была принята XXVII съездом КПСС (1986), но тут же положена генсекком под сукно. Дальше была «перестройка», то есть детально отрепетированный многофигурный возврат России, *в обход трудящихся масс*, в капитализм...

14. О социальной структуре будущего.

Если бы КПСС и страна пошли по пути ускорения достройки бесклассового общества, им пришлось бы заняться разработкой уже не его макроструктуры, как прежде классовой, а микроструктурирования. Общество, становящееся бесклассовым, не могло оставаться бесструктурным. Видимо,

нашлись бы люди, и даже «ученые», которые бы доказывали, что граждане и без того группируются, к примеру, семейными узами. Но довольство такой группировкой, неизбежной и традиционной, носит «бальзаминовский», типично мещанский характер (примеров тому тьма в русской классике), годный лишь лицам, ищущим достаток и уют. Это контрастирует с интересами трудящихся, закономерностями разделения труда, с правом на труд и обязанностью трудиться. И решительно не по нраву трудолюбцам, людям с развитой творческой жилкой.

Меня искренне разочаровали еще в хрущевском проекте Программы (август 1961) явно поспешная отмена диктатуры пролетариата и дешевая посула нанешнему поколению жить уже при коммунизме. Протестовали обе питающие дух силы - как строгий до беспощадности *научный расчет*, так и по своему взыскательная и дерзкая *революционная романтика*. Этим документом позволялось опошлить наше привычное отношение к будущему. «Оно светло, оно прекрасно.., - писал еще в начале 60-х годов XIX века наш великий социалист Чернышевский, не ведая того, что будет сотворено с мужественной реализацией его мечты спустя полтора века. - Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...». Много ли сделано нами для будущего, и чем из будущего обогащено настоящее?

Как подлинные ученые ни Маркс и Энгельс, ни Ленин и Сталин не позволяли себе, кроме четких теоретических и стратегических выводов и указаний, каких-либо фантазий на счет грядущего социально-бытового устройства. «Люди будущего

вырастут не глупее нас, чего им навязывать». - подобные отговорки можно было слышать не только от них. Однако суждения такого рода, от кого бы они ни исходили, страдали недодуманностью и наивностью. Далеко не все предшественники по времени оказываются в умственном и деловом отношении слабее, а последователи - сильнее. Таковы люди, и с этим надо считаться. Странно было бы полагать, что Цезарь как полководец уступает Наполеону. Но есть и другие примеры. Скажем, аппаратное окружение Хрущева-Горбачева по интеллектуальному уровню, очевидно, трудно сопоставлять - заявляю об этом как поздний свидетель - с прошедшими революционную школу ленинско-сталинскими кадрами.

Суждения классиков о микроструктуре бесклассового общества все же известны. В начале я упоминал *«товарищеский способ производства»* — определение социализма Марксом. Этими тремя словами уже очень многое сказано. «Социалистическое государство, - пишет через полгода после Октября Ленин, - может возникнуть как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свои производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность...». И, наконец, еще одно (последнее) принадлежащее Ленину определение: «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией - это есть строй социализма».

Итак, строение бесклассового общества смотрелось изначально «ячейстым» общинно-коммунальным, артельно-кооперативным, коллективистским. Оно мыслилось как боль-

шой союз малых союзов, одушевленных едиными целями общего благосостояния, творческой самоотдачи, культурного развития всех и каждого. И к этому, так или иначе, дело шло.

То, что мы имеем сегодня, - это результат усилий диаметрально противоположной направленности. Приняв штурвал партии из рук недомогающих пенсионеров, Горбачев активно использовал допущенные ими ошибки и недоработки и более шести лет готовил ее к *отказу от власти*. Главное, чего он добивался даже потерей собственной чести, — это дискредитация всей истории, подрыв авторитета КПСС, лишение ее способности защищаться и сопротивляться. «Друзьям» Горби в Европе и за океаном, очевидно, был по душе связанный с судьбой правящей партии замысел расчленения крупнейшего государства Евразии. Но расчет был не только на это.

В 80-х годах очень реален был прогноз на счет нового обвала общего кризиса капитализма, о котором говорили, что он может стать последним. Естественно, при таком повороте событий от мирового социалистического содружества ожидалась готовность номер один. Но процессу был дан иной ход. В руководстве братских стран уже не было видных революционеров и антифашистов, попадалось немало всеядных карьеристов, да и пример традиционного авангарда левого лагеря СССР, «перестраивавшегося» горбистами, тащил явно вправо. Вместо выполнения своего пролетарского долга, помощи братьям по классу наши «водители» кинулись выручать буржуазный Запад. И пошли на настоящее *самопожертвование*. Не менее, чем вдвое, было сокращено промышленное и сельскохозяйственное производство — для неликвидов из-за

рубежа был открыт обширный российский рынок. Горбачев и Ельцин подбросили великую державу, как тряпичный деревенский половичок, под ноги «цивилизованного» мира. Россиянам по милости горбистов в мирное время, помимо необъяснимой *экспроприации* общественной собственности и личных трудовых вкладов, позволили вкусить (впервые через 40 лет после войны) горбачевской карточной (талонной) системы. Делалось это без спроса у народа, без согласия народа, при солирующих протестах, но при хоровом молчании...

15. *Пожить, как раньше?..*

«Раньше мы жили хорошо, а теперь еще лучше... Но все-таки хочется опять пожить хорошо», - эта газетная шутка («Московский комсомолец») довольно верно отражает и передает ощущение нашими согражданами современной текущей истории. Перекормленный ранее высокопарными и часто не в меру хвастливыми словесами в адрес советской действительности, народ теперь отходит от «перестроечного», цинично-пустейшего охаивания колоссального и героического в труде и быту поколений, всего и вся тех лет. Под настроение народ нуждается и в резкой критике негодного, и в *уважительной* оценке талантливого и самоотверженного. *Но и то и другое подчас касается одного и того же.* Если уж говорить всю правду напрямик, то народ в разумном и трезвом состоянии, желающий без помех почувствовать себя *самим собой*, и все прошлое, подчас драматическое и контрастное, должен воспринимать как некую *целостность*. Наши прадеды и деды, понятное дело,

были менее образованы, чем мы, но далеко не глупее нас. И мои деды, простые казаки Федосей и Митрофан, уходя в мае 1918 года в Красную гвардию, вряд ли уступали в кругозоре своему дяде Егору, оставшемуся у белых...

Упоминая шутку, я имею в виду грандиозный подъем русского национального сознания, которым были отмечены 70-летие Победы в Великой Отечественной войне и успешные шаги путинской внешней политики. Примечательно, что до сих терпевший и молчавший народ живо и единодушно-массово отозвался на обращение к его *патриотическим* ценностям. Это не «перестроечные» и подобные корыстные «идолы»: деньги, рынок, приватизация, барыши, эффективный собственник, успешный менеджер, малый и средний бизнес, креативный и средний класс, - а поддержка братского Донбасса, «вежливый» и радостный возврат в границы *России* Крыма, помощь борющейся Сирии. Не утративший свойств своей «советскости», народ, испытавший приступы кризисной нищеты, оказывается, и через четверть столетия *не утратил идейно-нравственной чуткости*. Работают идеальные стимулы, но просыпаются и материальные. А это означает решительный пересмотр вслед за внешней политикой также политики *внутренней*. Говорят, что российская экономика уже достигла кризисного дна. По нему пусть ползают люкаевы. У нас дела поважнее.

Чтобы выбраться на поверхность и вновь устремиться вперед, нужны мощный взмах обеих рук и ясная голова. И формула «*оптимизация общественной системы*» - с упором на масштаб человека - тут как раз кстати. В отличие от крохоборческой «оптимизации» местечкового типа она носит разнообразный характер и

предоставляет неограниченный простор для экспериментирования, для объективного сопоставления достоинств и недостатков любых, частной и коллективной форм собственности, анализа характера и роли государственного регулирования и при капитализме, и при социализме, опыта использования советского примера для выхода из «Великой депрессии» в США 30-х годов, причин современного успеха «китайского нэпа» и др. Доводимая до построения товарищеского способа производства, строя цивилизованных кооператоров оптимизация могла бы означать, что *реально-гуманистический* проект наконец возобновлен. Но как долго ждать, и удастся ли дождаться?

Декабрь 2016 – январь 2017.

Содержание

Аннотация	3
О войне и потерях от неё	6
Ошибка политэкономии	8
Проблемы переходного периода остались не решенными	10
Элементы, частички, кусочки...	11
В анализ «попросилась» энергия	13
Поучительный пример	17
Начало планирования	20
Без человека никуда	24
Радость оппонентов	25
К бесклассовому обществу - первые этапы	27
Итог - болото путаницы	29
Это не из нашей оперы	32
«Гвоздевая» идея Программы 1986 года	34
О социальной структуре будущего	35
Пожить, как раньше?..	39

Подписано в печать 10.04.2017 г.
Формат 60x90 1/16. П.л. 4,25. Бумага офсетная.
Заказ № 166. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ОЭТО Росархива:
г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17.